

И. М. Дьяконов

РЕФОРМЫ УРУКАГИНЫ В ЛАГАШЕ

Урукагина был возведен на престол около 2400 г. до н. э. в результате переворота, свергнувшего правителя («энси», RA·TE·SI) Лугальанду. Вопреки распространенному мнению, низложение Лугальанды носило сравнительно мирный характер, на что указал в свое время еще В. К. Шилейко¹. В. К. Шилейко заметил, что лицо, носившее титул «великого энси», т. е., по его мнению, Лугальанда, проживал до 6 года правления Урукагины-царя в «поместьях» некоего Ka^dEn-líl-lá-an-KU, близ Лагаша. На это, однако, возражали, что в некоторых документах времени Урукагины (Ник. 25; DP 66, стлб. I, об.; 224; VAT 4875 — см. Ог., 2, стр. 32 сл.) речь безусловно идет о статуе Лугальанды, а не о нем самом. Культ статуи Лугальанды засвидетельствован с 1-го года Урукагины-царя, месяца Лугаль-уру, из чего заключалось, что Лугальанда умер уже в момент переворота. Даймел (AOg., II, стр. 76 и 110) указывает также на исчезновение из списков персонала храма Бау всех родственников и слуг Лугальанды, что он объясняет их истреблением во время переворота. Однако самим же Даймелем изданы документы (AOg., II, стр. 29—30 и 44=DP, 133, стб. V; TSA, 9 и Fö, 137), из которых видно, что «жена великого энси», т. е. Баранамтара, жена Лугальанды (названная в последних двух документах по имени), получала почетные дары в числе прочих знатных женщин в течение первых лет правления Урукагины и что она умерла и была погребена при участии более 200 жрецов и родичей во втором году Урукагины-царя, т. е. в третий год его правления. Затем, в документе TSA, 2, датированном 1-м годом Урукагины-царя, речь идет о подарках «великого энси» и Баранамтары, сделанных ими дочери Урукагины. Далее, население Лагаша не ограничивалось персоналом храма Бау, и снятие каких-либо лиц с довольствия в этом храме еще не означает их смерти. Что же касается упоминаний о статуе Лугальанды, то культ статуй, с принесением им жертв, мог совершаться и при жизни лица, изображенного статуей, что видно из надписей на статуях Гудея (например SAKI, стр. 66 и 72—статуя В, I, 1—12 и VII, 24).

Поэтому мы полагаем, что прав В. К. Шилейко, а не его критики, и что Лугальанда благополучно здравствовал и пользовался почетом и в период правления Урукагины.

Урукагина принадлежал, по существу, к тому же социальному слою, что и Лугальанда, хотя и к другому роду, имевшему своим божеством-покровителем Ниншубура, а не Шулькунэ (?), как род потомков Ур-

¹ ВНИШП, стр. XXI; RA XI, стр. 63 сл.

Нанше, к которому принадлежал Лугальбанда. Жена Урукагины, Шагшаг, была, повидимому, теткой Лугальбанды и сестрой предыдущего правителя Энентарзи. Несомненно, что Урукагина принадлежал к крупной лагашской знати¹.

Урукагина процарствовал около 8 лет, как кажется, пережив разгром Лагашского государства, произведенный Лугальзагеси, энси Уммы и царем Урука. Южная часть его государства уцелела от этого разгрома².

В первый год своего правления Урукагина носил тот же титул, как и Лугальбанда, а именно «энси» (PA.TE.SI), но со следующего года уже титул «царя» (lugal), причем счет годов правления был начат заново. Реформы, о которых здесь будет идти речь, были произведены в первый царский год правления Урукагины.

Четыре текста, из которых нам известно о реформах Урукагины, следующие: 1) глиняный конус «В», сохранившийся полностью и сообщающий о строительной и реформаторской деятельности Урукагины; 2) глиняный конус «С», являющийся точной репликой предыдущего; 3) глиняный конус «А», сохранившийся во фрагментированном виде; 4) овальная каменная пластина (условно обозначим ее как «D»), сохранившаяся также частично³. После изложения реформ (в более пространной редакции, чем на конусах «В/С») в ней сообщалась история Лагаша по крайней мере со времен Энтемны (сохранилась часть дословного изложения исторического текста этого правителя, так называемого «Конуса Энтемны»)⁴.

Основной наш источник, текст конусов «В/С», являющийся, повидимому, выборкой таких положений нового законодательства, которые относились главным образом (хотя не исключительно) к жречеству, труден для понимания, так как изложен архаическим языком, с применением многих неясных нам технических терминов и ἀπαξ λεγόμενα, а содержание подано крайне несистематично и в то же время лапидарно. Первый перевод этих текстов, принадлежащий Тюро-Данжэну (SAKI, стр. 45 сл.), был в свое время крупным филологическим достижением, но в настоящее время во многих частях устарел; к тому же Тюро-Данжэн отказался от перевода очень многих строк текста. Более новый перевод Даймеля (Ог., 2) также нельзя уже признать удовлетворительным. Помимо того, что ряд моментов в этом переводе нуждается в исправлении в связи с углублением наших знаний в области шумерской лексики и, в особенности, грамматики,

¹ Урукагина, будущий правитель, вероятно, тождественен с командиром отряда (GAL-UKU) по имени Урука, см. В. К. Ш и л е й к о, RA, XI, стр. 65. Отцом Урукагины был, возможно, некто Энгильса, упоминаемый как весьма почетное лицо в текстах DP, 69 и 218; о другом Урукагине, сыне Энгильсы, см. следующее примечание.

² См. ВДИ, 1950, № 2, стр. 79, прим. 5: Даймель полагает, что Урукагина отсиделся в цитадели, и отождествляет его (как и ряд других исследователей) с Урукагиной, сыном Энгильсы, энси Лагаша, упоминаемым в числе царских свидетелей при покупке земли в различных местах Аккада в так называемом «Обелиске Маништусу». Но «Обелиск Маништусу» был поставлен, самое раннее, через 60 лет после прихода нашего Урукагины к власти в Лагаше, так что вернее считать, что речь здесь идет о другом Урукагине (потомке первого?).

³ Текст «В/С»: Déc. ép., LI–LII; текст «А»: там же, L, № 3; текст «D»: там же, L, № 1.

⁴ Даймель полагает, что некоторые из реформ, упоминаемых только текстом «D», были проведены позже других. Но так думать нет необходимости, так как текст «D» вообще полнее; это верно, в частности, также для тех параграфов, которые имеются и в «В/С». Памятники «В» и «С» были, правда, написаны раньше, чем памятники «А» и «D», а именно в первый царский год Урукагины (что видно из упоминаемых объектов строительства), но ни те, ни другие не представляют собой текста самих законов, а только рассказывают о них. Поэтому дата написания текстов (см. TSA, стр. 16 и ср. текст «В/С», XII, 29–38 с TSA, 23, об., V, 2–3) может служить только terminus ante quem для даты издания законов.

необходимо отметить, что в ряде случаев переводы Даймеля натянуты, а толкования основаны на предвзятых мнениях.

На русском языке комментированного перевода текстов реформ Урукагины не существует, а есть лишь перевод-переложение, изданный в учебных целях. Этот перевод принадлежит акад. В. В. Струве¹.

Попытаюсь дать свой перевод текстов «В/С», «А» и «D», основанный на несколько ином, чем ранее, понимании некоторых терминов.

В частности, это касается встречающейся в двух случаях в текстах Урукагины идеограммы *ukú*. Сама по себе она переводится по-аккадски, в более поздних силлабариях, как *labnu*, что значит «склоненный ниц», «сплюснутый», «слепленный», от глагола *labānu* — «сплюсывать», «лепить кирпичи», а с объектом *arri* — «нос» — «склоняться ниц» (в культовом смысле). Отсюда путем расширительного толкования выводится значение «бедняк». В текстах Урукагины идеограмма *ukú* встречается в сочетаниях *ama-ukú* и *TUR-ukú* (читай *dimu-ukú*). Эти сочетания обычно переводятся как «мать бедняка» и «сын бедняка». Речь идет об отмене существовавшего порядка, разрешавшего жрецу определенной категории (*sanga-gar²*) рубить деревья и пользоваться плодами из сада *ama-ukú*, и о введении наказания за хищение рыбы из садка *dimu-ukú*. Из текста можно заключить, что до реформы любой желающий мог брать рыбу из садка *dimu-ukú* потому, что эти садки считались не частной, а общей собственностью, как «свет солнца». Поэтому до реформы похищение из них рыбы не считалось кражей. Урукагина вводит для похитителей уголовное наказание. Там, где не было привилегии на определенное действие, а был лишь обычай, для его прекращения необходимо объявить его действием уголовно наказуемым, не ограничиваясь простым запретом.

В противоположность рыбе в садках продукты садоводства — продукты длительного личного труда — принадлежат к вещам, на которые у всех народов частная собственность распространялась раньше всего. При Урукагине, в условиях классового общества, они вряд ли могли считаться общей собственностью. Если ими могли пользоваться известные посторонние лица, то это могло происходить только либо на основании специально дарованной им привилегии, либо в порядке произвольного самоуправства, которое, будь то по обычному или писаному праву, и в те времена должно было бы рассматриваться как кража, остававшаяся безнаказанной лишь вследствие попустительства властей. Но если бы это было так, то несомненно, что простым запрещением без всякой уголовной санкции и здесь нельзя было бы обойтись³. Однако реформатор ограничивается одним только запрещением, не вводя никаких особых уголовных санкций. Очевидно, действия жрецов в отношении чужой собственности считались ранее законными в силу какой-то привилегии и в результате простой отмены этой привилегии превращались в неправомерное хищение чужого имущества (а что это было чужое имущество — не требовало в данном случае законодательного подтверждения) и потому попадали под общие нормы права, существовавшие по этому поводу. В специальной уголовной санкции поэтому здесь не было надобности.

¹ «Хрестоматия по истории древнего мира» под ред. В. В. Струве, ч. I.

² Буквально это значит «назначаемые жрецы», как правильно указывает Даймел, ссылаясь на случаи употребления этого термина в хозяйственных текстах (а не «любим жрец» — *sanga pig*, как читал Тюрро-Данжэн). Может быть, этот термин «назначаемые жрецы» следует понимать как «не потомственные жрецы»?

³ К тому же трудно допустить, чтобы к такому произволу были склонны жрецы только определенной категории.

Если же речь идет не о произволе, а о праве, то тем самым становится ясно, что *ama-ukú* выступает здесь как представитель вообще беззащитных лиц. Не может существовать специального права ходить за дровами в сад именно беззащитного человека. Но точно так же трудно представить себе распространение подобной привилегии жрецов данной категории только на сады матерей бедняков. Почему в законе фигурирует именно мать бедняка, а не сам бедняк, его вдова, дети и т. п.? Имели ли жрецы категории *sanga-gag* право распоряжаться также и в их садах? Если да, то почему об этом не сказано прямо? Или жрецы сохранили это право и при Урукагине? С нашей точки зрения, достаточно поставить эти вопросы, чтобы увидеть, что перевод «мать бедняка» не дает тут удовлетворительного смысла.

Столь же трудно придерживаться обычного понимания и в первом случае — с *dumu-ukú* и рыболовными садками. Почему не рыбные садки любого члена общины, а только садки «сыновей бедняка» считались общей собственностью?

Все это заставляет думать, что необходим какой-то более конкретный и именно социально-правовой перевод терминов *ama-ukú* и *dumu-ukú*, тем более, что сам термин *labnu* (аккадское соответствие шумерскому *ukú*) вообще можно перевести, как «бедняк» только с натяжкой.

Отметим, что Даймелъ в своем переводе текстов Урукагины также заметил трудность, связанную с переводом этих двух терминов. Он переводит поэтому *dumu-ukú* (которое он читает *tur-ukú*), как «малый (младший) *uku*»¹, а *ama-ukú* — как «мужи, воины» («Мänner»). Даймелъ толкует идеограмму *ukú* как равнозначную в данном случае другой идеограмме *ukù*, которая, по его мнению, означает надзирателей над работниками (то же, что *PA, ugula*), и противопоставляет термин *tur-ukú*, как означающий «младших надзирателей», термину *gal-ukù*, который он переводит как «главный *uku*», «главный надзиратель». Термин *ama-ukú* он переводит по аналогии с *ama-eḡen/m* и *uku-uš*, обозначающих различные категории воинов храма. Но аналогия — еще не доказательство. В слове *ama-eḡen*, как мы попытаемся показать, *ama-* — словообразовательный префикс, а не значащее слово; а из того, что *uku-uš* значит «воин», еще не следует, что *ukù* само по себе значит «воин» или «войско», или что-либо подобное².

Предлагаемый Даймелем перевод обусловлен его точкой зрения, согласно которой в текстах «реформ Урукагины» упоминаются только лица храмового персонала и рассматриваемые реформы являются реформами храмового хозяйства (ук. соч., стр. 5).

С толкованием Даймеля нельзя согласиться, за исключением отождествления идеограмм *ukú* и *ukù*, которое представляется нам версатным. Однако нельзя согласиться с тем, что *ukù* [другие чтения — *ùg, un(g)*] значит «надзиратель за работниками»³; что же касается слова *tur* — «ма-

¹ Or., 2, стр. 7, 9, 10, 26—27.

² Заметим, что Даймелъ один и тот же термин *uku* (или *ukù*) переводит в одном случае «надзиратель», в другом — «воин» или что-либо в этом роде. Ибо едва ли он полагает, что *uku-uš* — это «погонщик надзирателей», а *ama-ukú* — «мать надзирателя». При такой этимологии значения «воин» никак не может получиться. Но если от этой этимологии отказаться, то и в термине *dumu-ukú* (*TUR-ukù*) нельзя никак значения «надзиратель».

³ Тексты, на которые ссылается Даймелъ (ук. соч., стр. 27 = DP, 120, 135 сл.), должны быть истолкованы иначе. Фразе *En-ig-gal nu-banda ukù-šè e-dab₅* (DP, 120) нельзя перевести, как предлагает Даймелъ, «управляющий Э. распределил (работников) отдельным надзирателям», ее следует переводить только следующим образом:

лый», то оно, по законам шумерского синтаксиса, должно было бы стоять не до, а после слова *ukú*, поэтому в нашем случае возможно только чтение *dumu-ukú* — «сын *ukú*», но не «малый *ukú*» (что звучало бы **ukú-tur*).

Обычный перевод шумерского *ukú*, *un(g)* (единственное число!) на аккадский язык — *nišê* «люди» (множественное число!), следовательно, *ukú* — это некий коллектив; но это все же не «войско», так как для «войска» существуют по-аккадски другие обозначения, а по-шумерски — другие идеограммы. В позднечавилонское время этот древнешумерский термин был возрожден (в форме *уки*) для передачи персидского *kâga* — «родоплеменное ополчение», так как у аккадцев не сохранялось родо-племенного деления и в аккадском языке не нашлось подходящего термина. Наиболее вероятно, что *ukú* надо переводить, как «род» или «коллектив боеспособных членов рода» («племя») обычно передается термином *ugniñ*, буквально «верхний, высший *ùg* или *ukú*»¹).

Какое же значение могут иметь термины *ама-ukú* и *dumu-ukú*?

Ама- в сочетаниях вовсе не всегда означает «мать»; *ama-tud-da*, что можно было бы буквально перевести «мать рожденная», означает «лицо, рожденное в роде» (акк. *ilitti biti*), например, «внук», «внучка» (Ник., 19, III, 1—5; SAKI, стр. 64f, II, 1), «сын раба» (акк. *sumaktâru*, СТ 19, 32); *ama-lul-la* означает не «мать лжеца», а «ложь»; *ama-erén(-na)* — не «мать воинов», а «тяжеловооруженный воин» и вообще «войско» (ŠL, 237, 47; ср. Ник., 105, стб. I)², *ama-siki* не «мать шерсти», а «старуха», *ama-ír* — не «мать плача», а «плакальщица». Таким образом, *ама*- может быть просто словообразовательным префиксом, подобно *пат*- (букв. «судьба»), *пиг*- (букв. «вещь») и *ки*- (букв. «место»)³.

Что касается слова *dumu* — «сын», то оно по-шумерски сплошь и рядом употребляется в смысле «лица, принадлежащего к коллективу» (например, *dumu-Lagašaki* не «сын Лагаша», а «лагашец», «гражданин Лагаша»).

«управляющий Э. держит (этих людей) в качестве (или в виде, в порядке) *ukú*». Заметим, что в издании Аллота де-ла-Фюп немало опусок в автографиях. Грамматически безупречно было бы чтение *En-ig-gal nu-banda GAL·UKÙ-šê e-daḥ₂* — «управляющий Э. держит (этих людей) в качестве начальника отряда». Не пропущен ли в копии знак *GAL*? Что касается DP, 135 и прочих документов, то в них термин *ukú* вообще не встречается, а только *GAL·UKÙ* (читай *ungal*, В. К. III и л е й к о, RA, XI, 2, 1914, стр. 65), т. е. «начальник отряда».

¹ Известно, что даже после конца III династии Ура — на полтысячелетия позже Урукагины — в Шумере, по крайней мере формально, существовало племенное деление и звание «старейшины племени» (*ab-ba ugnin*, см. SAKI, стр. 222, b, 2—3; ср. В. К. III и л е й к о, ВНПП, стр. XI). Вполне естественно, что во времена Урукагины родовые институты были еще чрезвычайно сильны; это видно, в частности, и из пережитков группового брака, упоминаемых теми же текстами реформ Урукагины (см. ниже, § 17). Может быть, не случайно в документе DP, 120, на который ссылается Даймель, против обыкновения указано отчество и другое родство всех лиц, о которых сказано (если копия Аллота де-ла-Фюп правильна), что управляющий Эниггаль держит их в качестве *ukú*, т. е. в качестве рода, главой которого он является? Заметим, что хотя *ungal* (или *GAL·UKÙ*) и значит буквально «главный в роде» или нечто подобное, однако эта этимология не более как пережиток, ибо термин *ungal* (*GAL·UKÙ*) в дошедших до нас документах означает начальника отряда храмовых работников. К разбираемому нами вопросу о терминах *ама-ukú* и *dumu-ukú* этот термин, как нам кажется, не имеет отношения. Как назывался глава рода в интересующий нас период, мы не знаем.

² Поэтому если *ама-ерэн* значит «воин», то отсюда еще не следует, что и *ама-ukú* имеет такое же значение.

³ Так, *ki-sikil* (букв. «чистое место») значит «девушка», *ki-gu* (букв. «место нити») — «пряжа» и т. д.

Со всей осторожностью я предложил бы для ама-и́кú перевод «сорс-дич» и полагал бы, что жрецы категории *sanga-gar* обладали до Урукагины привилегией невозбранно пользоваться плодами труда своих сорс-дичей.

Для *dimu-ukú* я предложил бы более общий перевод — «член рода», полагая, что этот термин служил не для о т о ж е с т в л е н и я обозначаемых им лиц со свободными членами храмового персонала, а, напротив, для п р о т и в о п о с т а в л е н и я последним¹. Не настаивая на абсолютной бесспорности предлагаемого перевода, мы полагаем, что при всей его условности, он ближе к истине, чем предлагавшиеся до сих пор.

В настоящем переводе текстов Урукагины для удобства введена условная единая нумерация отдельных положений, по параграфам, причем прежние «несправедливости», перечисляемые текстами, имеют ту же нумерацию, что и соответствующие им реформы. Цифрами в скобках обозначены столбцы оригинала, указания на графу опущены, чтобы не загромождать текст.

Текст «В/С»

(I)

(1) (Богу) Нингирсу, воину (бога) Энлиля, Урукагина, царь² Лагаша, построил дворец Тираш, построил ему Антасуру, построил дом (богини) Бау, (2) построил ей Бурсаг, ее дом постоянных приношений³, построил ее загон для стрижки овец⁴ (в) Урукуге, для Нанше прорыл «Канал, идущий в (город) Нанше»⁵, ее любимый канал, его (питающий) бассейн присоединил (?) для нее ко «Внутреннему морю» (?)⁶, построил для него (т. е. Нингирсу) стену Гирсу.

(II)

(3) С давних дней, с прошлых времен, тогда⁷

(§ 1) корабельщик⁸ кормился⁹ с судов, с ослов кормился главный

¹ Свободный персонал храма обыкновенно не был организован ни в родовые, ни в семейные общины.

² *lugal*. Собственно «хозяин» (применяется к хозяину раба, дома, поля и т. д., см. ниже, раздел II, § 5), букв. «большой человек». Позже переводится по-акадески, как *šar* «царь», об этом термине см. в другом месте.

³ *sá-dug*₄. См. ниже, прим. 14 к стр. 24.

⁴ *pisan-udu-ur*₄.

⁵ *Id-Nanše-kin*, канал из Лагаша в Нанше, см. Гудеа, Цил. А, II, 5 (SAKI, стр. 90) и далее.

⁶ *kun-bi Ab-ša(g)-ga mu-na-ni-lal* — букв. «хвост(овой бассейн) его в «Море (?) внутреннем» ей там подвесил (или извесил, уравновесил). Смысл темен. *Ab-ša*, конечно, не «глубь моря» (это было бы **ša(g)-ab-ba*), а вероятно, название водоема.

⁷ Даймель: «Против обычая, как он издревле и изначала существовал...», признавая, однако (Or., 2, стр. 15—16), что этого нет в тексте, а лишь выражает то, что Урукагина якобы имел в виду. *U₄(d)-bi-a* — «тогда».

⁸ Даймель указывает, что *lu-má-láh(a)* «корабельщик» отличается от *má-láh* — «лодочник», «матрос» — ср. TSA, 5, об. IV.

⁹ Знак KU, который Тюро-Данжэн читает, как *tuš* или *dur* с переводом «hausen» — «быть расквартированным». Такое чтение невозможно, так как текст дает в ряде случаев написание с префиксом *e-* (*e-KU*), а как показал Пибель, в лагашском диалекте при основе, содержащей гласный *i* или *u*, возможен только префикс *i-* (NI-), но не

пастух, с баранов кормился главный пастух, с рыболовных сетей кормился надзиратель рыбаков¹;

(§ 2) жрецы «шутуг»² отмеряли «зерно (пред)стояния»³ (= арендную плату) в Анбаре⁴;

(§ 3) пастухи рунных баранов за⁵ белого барана (4) должны были выкладывать серебро⁶; землемер⁷, главный певчий, «агриг»⁸, изготовитель пива и благовоний⁹ и все (артельные) старосты (храмового персонала)¹⁰ за (?) ягненка¹¹ должны были выкладывать серебро;

(ср. § 5) волю богов возделывали огород (и) бахчу¹² правителя¹³; на лучшем поле богов имелся огород (и) бахча правителя;

(§ 4а) упряжные ослы¹⁴, рабочие волю¹⁵ отбирались¹⁶ у всех жрецов; (5) ячмень всех жрецов раздавался людьми правителя¹⁷;

(§ 4) (4 вида тканей, 1 вид льняных изделий, 2 вида пряжи, 3 вида бронзовых изделий — в том числе шлемы и наконечники копий, — 1 вид кожа-

е. Следовательно, необходимо выбрать другое чтение знака KU. Таким чтением может быть только весьма распространенное в лагашских текстах *dab₅* (соответствующее общешумерскому *dib*), как здесь и читает Даймелъ, — с основным значением «держатъ» (у Даймеля — «angestellt werden» — «быть назначенным, служить»). Так, лица, получающие от храма земельные «наделы кормления», называются *lú-kur₆-dab₅-ba* — «люди, держащие (*dab₅*) надел кормления». Пользование наделом выражается техническим выражением *e-dab₅* — «он держит»; то же выражение применяется к должностным лицам, которым подчинена целая группа наделов (например, TSA, II, 7). Поэтому я полагаю, что термин KU=*dab₅* включает понятие об официальном «держании» какого-либо источника доходов и лучше всего может быть переведен, как «кормиться с чего-либо, пользоваться чем-либо».

¹ См. DP, 343. В лагашском диалекте нужно читать *essud-(d)u* или, лучше, *ussud-(d)u*, вм. *essad-du*, так как эргативный показатель -е переходит в -и только после основ, содержащих губные звуки.

² UH·ME, акк. *pāšišu* — «жрец-помазатель» — средняя жреческая должность.

³ *še-gub-ba* — арендная плата, см. ŠL, 367, 121.

⁴ *Anbar_{ki}* — букв. «Болото», название определенной местности.

⁵ Букв. «вместо». Весь параграф изложен гораздо яснее в тексте «D».

⁶ *ku(g) bé-gar-gé-èš* — Praes.-Fut. в смысле долженствования.

⁷ *lú-ès-gid*, — букв. «человек, тянущий веревку»; см. постоянно в сделках о купле-продаже земли. Сопоставление Даймеля (Or., 2, стр. 20) с *šu-gid*, родом поборов времени III династии Ура (букв. «тянущаяся рука») — не обосновано.

⁸ Крупная жреческая и придворная должность.

⁹ *lú-barri_g* был пивоваром и одновременно изготовителем благовоний и ритуальных курений, см. ŠL, 225, 3.

¹⁰ *ugula-ugula-ne* (идеогр. PA).

¹¹ *sil-du_g*; точное значение неизвестно.

¹² Вм. *ki-HUL* читай *ki-ukúš*, букв. «место огурцов», т. е. бахча, ср. *ki-sum-(ma)* — «место лука», т. е. «огород».

¹³ *ensi* (идеограмма PA·TE·ŠL).

¹⁴ *anšu-bir₄-ga* (*bir₄* «ярмо»); так назывались обычные парные ослиные упряжки для пахоты, см. ŠL, 208, 52.

¹⁵ *Gud-du₇-du₇*. Перевод не вполне бесспорный. См. ŠL, 441, 54, о.

¹⁶ *e-ne-keš(d)-du-am₅*; *kešd* — акк. *habātu* (?) «отбирать, грабить». В оригинале выражение «все жрецы» (*sanga-sanga-ne*) стоит в дательном падеже, что видно из дательного показателя -не- в глаголе; можно было бы предположить другое значение для *kešd-*, например акк. *rakāsu*, *kašāru* «прикреплять», но ср. ниже, § 11. Грамматическая конструкция по-шумерски не противоречит нашему переводу. Общий смысл тот, что жрецы не могли сами распоряжаться скотом храма, так как он был в ведении администрации правителя. Ср. ŠL, 152, III, 28—29.

¹⁷ *še sanga-sanga-ne erén ensi-ka-gé e-ba* — букв. «ячмень всех жрецов люди правителя раздавали» (теоретически возможен и перевод «делили»). Смысл тот, что *erén ensi-ka* «люди (не непременно «воины», а скорее «администрация») правителя» — производили *še ba*, хорошо известную нам по хозяйственным текстам «зерновую (ячменную) выдачу», т. е. жрецы зависели от администрации правителя.

ных изделий и другие предметы)¹ все жрецы приносили в качестве приношений².

(§ 11) «назначаемый жрец»³ в саду сородича (?)⁴ (6) мог рубить из его деревьев и забирать из него плоды⁵;

(§ 7) покойник, отправляющийся на кладбище⁶ — пива его было 7 сосудов, хлеба его 420 (штук); ячменя « »⁷ 72 «сила», 1 ткань, 1 козленка⁸, 1 ложе уносил заупокойный жрец⁹, 36 «сила» ячменя уносил плакальщик¹⁰; если же человек отправлялся в «покой (бога) Энки»¹¹ — пива его было 7 сосудов, хлеба его 420 (штук); ячменя 72 «сила», 1 ткань, 1 ложе, 1 сиденье уносил заупокойный жрец, 36 «сила» ячменя уносил плакальщик;

(§ 10) ремесленники¹² имели (на себе обязанность? совершать) молитвенные приношения¹³;

(§ 9) (7) «спаренные мужи»¹⁴ имели (на себе повинность? совершать) «кормление сосуда проточной воды»¹⁵;

¹ (túg)PI (d)Nin-LUL(?)·gi₁-ni-na (túg)šū-du₆-ur (túg)nig-bar-ba (gad)Ū·LAL (gu)SA-LAL SAG + ŠUŠ (= шлем) zabar (ugudu)gag (= острья) zabar ru-ur-ga zabar (kuš) UD-ga a-šIR-PUR-gi₁^{bu} (= птица, род орла?) dab₆-MUL BIL-GI-ŠE-TÚG maš-bar-túg (= одежда из козьей шкуры?). В этом перечне мало что понятно, кроме детерминативов túg — «ткань», gad — «лен», gi — «нить», «пряжа», ugudu — «медь», «металл», zabar — «бронза», kuš — «кожа» и т. д.

² Sanga-sanga-ne il-šē i-il-am₆.

³ Sanga-gar. Даймелъ указывает, что этот разряд низших жрецов был как-то связан с ремесленниками. По всей видимости, это непрофессиональный жрец (Or., 2, стр. 26 со ссылкой на Fö., 106).

⁴ Ama-ukú, см. выше.

⁵ gi-lim e-ta-kešd-(d)u, см. выше, стр. 21, прим. 16. Даймелъ берет более обычное значение kešd — «связывать», и переводит поэтому gi-lim как «финиковые гроздьи», но для такого перевода нет достаточных оснований.

⁶ ki-mah, букв. «великое место» — «кладбище, гробница».

⁷ še HA·Z1.

⁸ maš sag-gá по Даймелю — «с рожками» (букв. «головатого»).

⁹ UH·INANA.

¹⁰ lú-dím-ma по Даймелю «плакальщик» (непрофессиональный), см. STN, I, 22, 7; DP, 175, 3.

¹¹ gi, сокращение вместо gi-уш (Витцель) — «темный покой», род культового сооружения.

¹² giš-kin-ti.

¹³ nig-šū-il-la; šū-il, букв. «поднятие рук» — род молитвы; nig-šū-il-la, букв. «нечто (относящееся до) поднятия рук». В ряде храмовых обрядов принимали участие ремесленники; неясно, было ли «молитвенное приношение» платой за участие ремесленников в обрядах или, напротив, вносимой ими податью взамен участия в обрядах. Последнее более вероятно ввиду аналогии с § 9; Даймелъ переводит: «Ремесленники платили плату (Gebühr) в качестве сбора за орудия ремесла» (?), понимая nig-šū как «нечто, относящееся к руке», а il-la как «доход», «приношение», но грамматически такой перевод невозможен (šū-il-la — род. п., зависящий от nig «нечто»).

¹⁴ guruš-min-me — букв. «мужи, которых двое есть». По Даймелю, «разряд воинов» или «рабы вышеупомянутого» (кого? — И. Д.). Ни фактические, ни грамматические данные не подтверждают ни одного из этих толкований. Ниже, в тексте «D», вместо «спаренных мужей» назван термин «шуб-лугаль», т. е. храмовые работники, получавшие наделы на храмовой земле. По поводу термина guruš см. мою полемику с акад. А. И. Тюменевым, ВДИ, 1946, № 2; 1948, № 1 и № 2; 1949, № 2. См. также примечание к этому параграфу в тексте «D».

¹⁵ kur₆-dug-REC78-a-zál-la; kur₆ — «кормление», «довольствие»; dug «сосуд, кувшин»; знак REC 78 также изображает какой-то сосуд; вместо невозможного a-ZAR-la читаю a-zál-la (ср. чередование rim/lim в нашем тексте) и сопоставляю с a-zal-le в конце текста «B/C» (ŠAKI, 54, XII, 44, ср. приведенные там же в прим. а варианты); как видно из текста «D», речь идет о сборе за право пользоваться оросительной системой, поэтому значение a-zal — «проточная вода» вполне подходит к контексту. Возможно, что KUR₆-DUG-REC78 — составная идеограмма, чтение которой нам неизвестно. Термин в целом представляет ἵλαξ λεγόμενον.

(§ 5) дом правителя был поставлен рядом с полем правителя¹, дом «женского дома»² — с полем «женского дома», дом «детей»³ — с полем «детей»;

(§ 6) от «Границы Нингирсу»⁴ до моря имелись судебные сборщики (пошлины)⁵;

(§ 9a) «шуб-лугаль»⁶ строил на своем поле⁷ свой колодец, а «иги-ну-ду»⁸ пользовался из него; проточной водой⁹, имевшейся на поле, (также) пользовался «иги-ну-ду»; в этом был прежний закон¹⁰.

(III)

Когда (бог) Нингирсу, воин (бога) Энлиля, (8) дал Урукагине царскую власть¹¹ Лагаша (и) из 36 000 человек¹² (его) избрала¹³ его рука, судьбу он с тех пор установил для него¹⁴; слово, которое сказал ему Нингирсу, его хозяин, он (вос)принял¹⁵;

¹ é-ensí-ka (абсолютный падеж) gán-ensí-ka-gé (адессивный падеж)... zag-i-uš-uš-am₅. Другое грамматически возможное объяснение (gán-ensí-ka-gé — подлежащее в эргативном падеже) неприемлемо по смыслу. Zag-uš — букв. «ставить рядом» — отсюда обычное в хозяйственных текстах значение «сверять». Перевод Даймеля грамматически невозможен («во дворе патеси проверялось, т. е. управлялось, поле патеси») и т. п.; должно было бы быть *é-ensí-ka-ka gán-ensí-ka zag-i-uš-uš-am₅!).

² é-mu₂uz, букв. «женский дом» — храм Бау, бывший в ведении жены правителя.

³ nam-dumu, букв. «детство» (ср. nam-gàlu «человечество» в смысле «люди»), т. е. «дети (бога) Нингирсу или правителя») и все, что им принадлежит — храм бога Шульшагана, сына Нингирсу (и храм Гальалима?), бывший в ведении семьи правителя.

⁴ Ki-sur-ra^d Nin-gir-su-ka, канал, отделявший на севере территорию Лагаша от территории Уммы. См. ВДИ, 1950, № 2, стр. 79, прим. 5.

⁵ maškim-dí. Звание maškim (акк. rābišum) имело в различные эпохи различные значения, но почти всегда обозначало официального представителя государственной власти. в функции которого обычно входил сбор податей. При III династии Ура maškim председательствовали в судебных заседаниях. В ассирийских колониях начала II тысячелетия до н. э. rābišum — представитель метрополии в колонии; так же назывались египетские наместники, собиравшие дань с местных правителей в Сирии и Палестине при XVIII династии; dí, акк. dīnu — «судебное дело».

⁶ Работник храмового персонала, получавший падеж «кормления» за работу, см. акад. А. И. Тюменев, ВДИ, 1948, № 1, стр. 21 сл.

⁷ Sag-gán-ga-na-ka (из sag-gán(g)-aní-ak-a), букв. «в голове своего поля». «Головой» поля называлась его продольная сторона (Deimel, Op., 2, стр. 28). Объяснение gán-ga как «поля (gán) женской груди» (?—ga означает, собственно, «молоко», а не «грудь»), т. е. «холмистого поля», принадлежащее Тюр-Данжэну и принятое Даймелем и акад. В. В. Струве, не верно: местный падеж от gán(g) (написание gán) закономерно gán-ga (как и kinga от kin(g) «работа», см. SAKI, 72. VII, 53: kin-gá lú nu-ba-gá-gá «трудом человека не сделана»). Ср. lú-hun-gá — «человек найма, наемник», при hun «наем».

⁸ igi-nu-du₈ — работник храмового хозяйства, не имевший своего надела, обыкновенно раб. См. акад. А. И. Тюменев, ВДИ, 1948, № 1, стр. 15 сл.

⁹ a-MUS-DU, букв. «змееходная вода».

¹⁰ pi-lul-da u₄-hi-ta e-me-a. Pi-lul-da, акк. pilludû — синоним paršu «закон, обряд»; u₄-hi-ta «с тех пор; тогда», или, как прилагательное, — «прежний»; e-me-a состоит из локативного префикса e-me- (immi-) плюс связка -à(m), следовательно, «в нем (или «в этом») был». Даймель переводит «прежний порядок он восстановил», недостаточно мотивируя такой перевод.

¹¹ nam-lugal, «лугальство». Ранее Урукагина был только «правителем», ensí (идеограмма RA.TE.SI).

¹² lú; может быть, лучше «мужей, граждан», ср. акк. awêlum, равное шумерскому lú.

¹³ e-ma-ta-dab₅-ba-a, собств. «удержала». Даймель переводит: «Когда Нингирсу передал Урукагине царское звание в Лагаше и среди 10 сар людей установил его (т. е. Урукагины) власть ...» Перевод характерен: в него вносится представление о деспотическом характере царской власти, отсутствующее в оригинале. Почему šu «рука», «кисть», должно означать «власть»?

¹⁴ nam-tar-ra u₄-bi-ta e-šè-gar. С переводом Даймеля («он восстановил прежние постановления») я не могу согласиться, так как он противоречит ясному смыслу заключительной фразы II раздела. Значение «с тех пор» для u₄-bi-ta является первичным, значение «прежний» — вторичное.

¹⁵ ba-dab₈, собственно «удержал».

(§ 1) от судов он отстранил ¹ корабельщика, от ослов, от баранов он отстранил их главного пастуха, от рыболовных сетей (?) он отстранил надзирателя рыбаков;

(§ 2) от «зерна (пред)стояния» (жрецов) «шутуг» он отстранил начальника житницы ²;

(§ 3) сборщиков ³ уплаты ⁴ серебра за белого барана (и) за
. . . . ягненка (9) он отстранил;

(§ 4) сборщиков приношения, которое все жрецы приносили ко дворцу, он отстранил;

(§ 5) (в) доме правителя (и) в поле правителя ⁵ он поставил Нингирсу в качестве их хозяина ⁶; (в) «женском доме» (и) в поле «женского дома» он поставил (богиню) Бау в качестве их хозяйки, (в) доме «детей» (и) в поле «детей» он поставил бога Шульшагана в качестве их хозяина;

(§ 6) от «Границы Нингирсу» до моря (в качестве) сборщика никого не стало;

(§ 7) покойник, отправлявшийся на кладбище, — пива его 3 сосуда, хлеба его 80 (штук); 1 ложе, 1 козленка ⁷ уносит заупокойный жрец, 18 «сила» ячменя уносит плакальщик; (10) если же человек отправлялся в «покой (бога) Энки», — пива его было 3 сосуда, хлеба его 240 (штук); 36 «сила» ячменя уносит заупокойный жрец, 18 «сила» ячменя уносит плакальщик, 1 хлеб ⁸, 1 «сила» сметаны (?) ⁹ уносит (жрица) «нин-дингир»;

(§ 8) 420 хлебов сушеных ¹⁰ (?) — это хлеба сохранения (?) ¹¹, 40 хлебов свежих — это (хлеба) пиршества, 10 хлебов свежих — это хлеба стола, 5 хлебов мытаря ¹² (?), 3 больших сосуда ¹³ пива — это 1 содержание (?) ¹⁴ певчего (города) Гирсу; 490 хлебов, 3 больших сосуда пива — это 1 содержание певчего (города) Лагаша;

¹ e-ta-šub, собственно «отбросил».

² KA-gur, обычное в хозяйственных текстах звание.

³ maškim, см. выше, прим. 5 к стр. 23.

⁴ gá-gá-da...maškim-bi, конструкция родительного падежа: gá-gá-(e)d-a(k) (инфинитив долженствования в родительном падеже) maškim-bi букв. «долженствования выкладывать (серебро), сборщик его». Та же конструкция в следующем параграфе.

⁵ Здесь и ниже локатив употреблен только по одному разу, букв. «дом правителя (и) в поле правителя», но шумерская грамматика допускает такую конструкцию.

⁶ lugal-ba, букв. «в хозяева их»; lugal употреблено здесь в первоначальном значении «хозяин».

⁷ maš-sag-gá.

⁸ ninda SAG·LAL·SAL.

⁹ ir-nun, по Даймелю, «умещение (?)».

¹⁰ ninda-durun-durun-на букв. «хлеба, постоянно пребывающие». Перевод Даймеля «сухари» весьма вероятен, с той лишь оговоркой, что речь идет о сушеных лепешках, ибо шум. ninda — не хлеб нашего северного типа, а лаваш, пекущийся на стенках глиняного очага.

¹¹ ninda-gub-ba-am.

¹² ninda lú-zi(g)-ga-ka; перевод условный: lú-zi(g)-ga букв.: «человек расхода» — вероятно, род надзирателя или сборщика податей. Ср. Гудеа, статуя В, IV, 13—19 (SAKI, стр. 68): šagub nu-banda ugula lú-zi(g)-ga kin-a-gub-ba-ba siki-gi^{is}ŠU+LAGAB-ag nam-s g šu-ba mu-gál-àm «наместник, управляющий хозяйством, артельный староста, lú-zi(g)-ga при их нахождении на работе (?) (а также) чесальщик шерсти — праздность в руках их была».

¹³ ĩubur, большой сосуд, литров на 60.

¹⁴ sá-dug. От понимания этого термина зависит понимание всего параграфа. Он имеет три значения: 1) «род сосуда»; 2) «постоянная статья расхода» (например в хозяйственной отчетности храма Бау этого времени); 3) «постоянное отчисление (или сбор) в пользу жречества». При первом понимании весь параграф окажется связанным с предыдущим и явится перечислением выдач, связанных с похоронами в «покое Энки». Таково понимание Даймеля. Мы остановились на третьем переводе, считая, что весь параграф посвящен определению отчислений на содержание разного рода жрецов, не

406 хлебов, 2 больших сосуда пива — это 1 содержание (прочих) певчих;
 250 хлебов, 1 большой сосуд пива — это (содержание) «нам-умма»¹;
 180 хлебов, 1 большой сосуд пива — это (содержание) плакальщик²
 (города) Нанше;

«Иги-ну-ду», (11) находящийся при³ — его хлеб пиршества — 1; 5 его черных хлебов (праздничной) выдачи⁴, 1 его белый хлеб содержания⁵, 6 его черных хлебов ежегодной (?)⁶ (выдачи);

60 хлебов, 1 большой сосуд пива, 18 «сила» ячменя — содержание людей, (находящихся) при изготовлении⁷;

(§ 9) «кормление сосуда. проточной воды» «спаренных мужей» он отменил⁸;

(§ 10) «молитвенное приношение» ремесленников он отменил⁹;

(§ 11) «назначаемый жрец» в сад сородича (?) не может ходить¹⁰;

(§ 12) если «шуб-лугаль» родится хороший осел и если его староста¹¹ скажет: «я хочу (его) купить у тебя», то когда он у него будет покупать, пусть («шуб-лугаль») скажет: «отвесь серебро по моему желанию¹², хорошее»; (а) когда он у него не сможет купить, (то) староста не должен из-за этого на него гневаться¹³; (если) дом начальника¹⁴ соседит с домом «шуб-лугалья» (и) этот начальник скажет: «я хочу (его) купить у тебя», (то) когда (12) он у него будет покупать, пусть («шуб-лугаль») скажет: «отвесь серебро по моему желанию; мой дом — это сбережение (?)¹⁵; ячмень за это восполни мне»¹⁶; (а) когда он у него не сможет купить, (то) этот начальник на «шуб-лугалья» за это не должен гневаться — так он¹⁷ приказал.

(§ 13) Граждан Лагаша¹⁸ он очистил в (отношении)¹⁹ долговой ка-
 связанных с определенными храмами. Несомненно, что речь идет не об одновремен-
 ной выдаче.

¹ nam-um-ta (конструкция, аналогичная nam-dumu, nam-gàlu) — коллектив ремесленников um-ta (в хозяйственных текстах чаще um-me-a), привлекавшихся к участию в культе. Даймелъ приводит сопоставление um-ta-ir «умма плача», участвовавших в погребальных обрядах.

² AB + AS-igi, букв. «старейшины (или свидетели, свидетельницы) глаза» — разряд жриц, участвовавших в погребальных обрядах (см., например, DP, 220).

³ NI-ra a gub-ba Даймелъ переводит «кладущий (труп) на zag-ra-a». Перевод произвольный; gub не означает «класть».

⁴ ninda... ha-a-ka-ni — хлеб, выдававшийся при ninda ba, праздничной выдаче хлеба.

⁵ sa-dug₄.

⁶ ninda...an-na-ka-ni — по Даймелю, вместо ninda...mu-an-na-ka-ni, букв. «его хлеб года».

⁷ lu-sag(?) -bur-(r)6-ag-da, по Даймелю, «изготовитель гробов»(?). Перевод произвольный.

⁸ См. выше, прим. 14 на стр. 22 и ниже прим. 14 на стр. 27.

⁹ См. выше.

¹⁰ Удвоение основы передает здесь и ниже несовершенный вид, что, повидимому, должно выражать нереальность (возможность или долженствование) действия.

¹¹ ugal (идеограмма RA), «(артельный) староста» отрядов, на которые разбивались работники храмовых хозяйств.

¹² ku(g) sa(g)-ma-a, букв. «серебро сердца моего».

¹³ libi-bi na-na-tag-(g)e, букв. «сердца (из-за) этого (дела) он не должен в отношении него трогать» (Praes.-Fut. долженствования).

¹⁴ lu-gu-la, букв. «большой (или главный, больший) человек».

¹⁵ e-mu-pisân-(n)am. Pisân означает, повидимому, сосуд или корзинку для хранения вещей. Перевод по контексту. «Шуб-лугаль» живет на не принадлежащей ему храмовой земле, но дом построен на его личные средства, поэтому стоимость его должна быть возмещена.

¹⁶ Se si-ma-ni. Si — «наполнять, возмещать» + глагольный показатель m(u) + дательный показатель 1-го лица -a «мне» + локативный показатель -ni — «в этом».

¹⁷ Т. е. бог Нингирсу; весь раздел III, как и II, представляет один период.

¹⁸ dumu-Lagaša^{ki}.

¹⁹ e-laḥ с локативом.

балы ¹, ², потрав (?) ³, воровства ⁴, убийства (и) грабежа (?) домов ⁵, (и) свободу ⁶ их установил ⁷.

Чтобы сироте (и) вдове сильный (ничего) не причинил, он заключил с Нингирсу этот завет ⁸.

В том же году он прорыл для Нингирсу имеющийся в (городе) Гирсу малый канал (и) установил для него прежнее название; он назвал его «Канал „Нингирсу — владыка из Ниппура“», (и) присоединил ⁹ к «Каналу, идущему в (город) Нанше». Это — священный канал, середина его чиста; (богиня) Нанше да принесет ему проточную воду ¹⁰.

Текст «А»

(III) ¹¹

(4) [. когда (бог) Нингирсу, воин (бога) Энлиля, дал Урукагине царскую власть Лагаша (и) из 36 000 человек (его) изб]рала [его рука], тогда —

(§ 1) человека, (состоящего) при судовщиках (матросках) ¹², который кормился ¹³ с судов, главного пастуха, который с ослов, главного пастуха, который с баранов кормился, надзирателя рыбаков, который кормился с рыболовных сетей (?),

(§ 2) «зерно (пред)стояния», которое великие (жрецы) «шутуг» [отменяли в Анбаре он отменил (?);] . . . (§ 3) будь то невчего, будь то изготовителя пива и благовоний, будь то «агрига», будь то старосту, выкладывавших серебро за ягненка,

(§ 13?) граждан Лагаша [от он освободил (?)] . . . (§ 11) [«Назначаемый жрец»] не может ходить в сад сородича (?), из его деревьев не может рубить, не может забирать плодов;

(§ 7) кто-либо из покойников, отправляющийся на кладбище — пива его 3 сосуда, хлеба его 8[0 (штук)]; 1 ложе, 1 козленка. уносит заупокойный жрец, [30 «сила»] ячменя [уносит] плакальщик[.

¹ ḥar-ra-ti(l) — букв. «взимание долгов»; ḥar-ra, акк. ḥubullû, — «процентный долг»; ср. Гудеа, статуя В, V, 10—11 (SAKI, стр. 68) lú-ḥar-ra é-lú-ka nu-tu(r) «кредитор не входил в дом человека»; ḥar-ra в сочетании с ti(l) известно мне еще в неопубликованном шумерском литературном тексте Эрмитажа. Перевод Даймеля «опасность для жизни» — буквально (?—И. Д.) «размалывание тела» — мне непонятен. HAR (в чтении ara) может означать «молоть», но ti(l) не означает «тело». Перевод «конец (ti) сердца // печени (ḥar)», предложенный мне устно акад. В. В. Струве, меня также не убеждает.

² gur-gub. Значение мне неизвестно. Перевод Даймеля «обмеривание» произволен.

³ še-si(g) — букв. «побиение (или: наполнение) зерна», ср. Гудеа, цил. В, XV, 2 (SAKI, стр. 134): a-gal-gal-e še-si-si-a «при очень большой воде побиение (?) зерна».

⁴ níg-KA — ср. причастие níg-KA-a «вор», см. ниже прим. 11 к стр. 28.

⁵ é-suš; šuš — «покрывать, скрывать(ся)». Перевод по контексту.

⁶ ama-gi; значение «свобода» (акк. apudāru) бесспорно. Тем не менее, Даймель переводит: «он установил наказание для того, чтобы сирота и т. д.

⁷ Весь параграф этот — сводный, обобщающий целый ряд законодательных мероприятий Урукагины, не приведенных в настоящем тексте, содержащем только выборку законов, относящихся по преимуществу к жречеству, ср. текст «D».

⁸ inim, букв. «слово». Мотивировку реформ ср. с введением к законам Хаммураби.

⁹ mu-na-ni-lal, см. выше, прим. 6 на стр. 20.

¹⁰ a-zal-le.

¹¹ Раздел I опускаем, раздел II не сохранился.

¹² lú-má-lāḥ-da.

¹³ má e-dab₆-ba-a.

(§ 5) у¹ по[ля прави]теля (и) всего имущества² правителя, сколько имеется³ Нингирсу — его хозяин; (у) дома «з.енского до.а» [. . . .
 . . . (§ 8) [. . . «Игинуду», находящийся при белый хлеб] его содержания — 1, 6 его черных хлебов ежегодной (?)⁴ выдачи; 480⁵ хлебов сушеных (?) — это хлебá сохранения, 40 хлебов свежих — это хлебá пирше[ства
 . . . [250 хлебов], 1 большой сосуд [пива] — это (содержание) «намумма»;
 180 хлебов, 1 большой сосуд пива — это (содержание) плакальщиц (города) Нанше;
 (§ 9) «кормление сосуда [. . . про]точной воды» [.
 [когда царскую власть (?)] (города) Гирсу он принял, он установил их (или: эту) свободу.

Текст «D»⁶

(II)

(Начала нехватает) (1) . . . серебро [.]; если он купит баранов, (то) из этих баранов⁷ лучшего барана кто-нибудь⁸ мог забрать⁹;

(§ 2) (жрецы) «шутуг» отмеряли «зерно (пред)стояния» (= арендную плату) в Анбаре; эти (жрецы) «шутуг» должны были строить¹⁰ свой «дом зерна (пред)стояния» в Анбаре;

(§ 3) [. . . . пастух]и (?), все (артельные) старосты, певчие, «энгары»¹¹, изготовители пива и благовоний, если приведут рунного барана, если стригут (его) во дворце, (то) когда баран был бел, шерсть его забирала во дворец, чтобы было выложено¹² 5 сиклей серебра¹³;

(ср. § 5) воли богов возделыв[али ого]род [пр]авителя; [.
 (2) [. (§ 9а) . . . проточную воду, имевшуюся? на поле] — «иги-ну-ду» пользовался (этой) водой; (§ 9) пока «шуб-лугаль»¹⁴ не сделает¹⁵ кормления сосуда¹⁶, питьевой¹⁷ воды ему

¹ Адессив -е.

² nig-ensi-ka; nig — «нечто», «что бы то ни было».

³ en-na tuk-a, букв. «(вплоть) до имеющегося».

⁴ a(?) -na-ka-ni.

⁵ Так! В тексте «В/С» — «420».

⁶ Опускаем историческую часть.

⁷ udu-ba, букв. «в этих баранах».

⁸ lu, букв. «человек».

⁹ ba-la-túm-mu, букв. «мог уносить» (Praes.-Fut. долженствования).

¹⁰ i-dù-dù. Редупликация выражает нереальность действия (долженствование).

¹¹ engar — старший храмовый арендатор или старший работник с наделом.

¹² e-gá-gá-dò; Fut. долженствования. Смысл: «впредь до уплаты».

¹³ Даймелъ (Or., 2, стр. 20) указывает, что стоимость 1 сикля серебра была равна стоимости 20 мин шерсти (т. е. шерсти 5 овец). Таким образом, штраф за белого барана, владение которым было, очевидно, монополией, был чрезвычайно высок.

¹⁴ Здесь «шуб-лугаль» занимает место «спаренных мужей» текста «В/С». Еще одно доказательство того, что термин «муж» (gigiš, идеограмма KAL) охватывает и работников храмового хозяйства.

¹⁵ en-na-ag (из en na-ag или en-na i-ag; en-na — «пока», «до»). Полагаю, что предложение рассматривается, как условное, а потому не требующее сослагательного показателя -а.

¹⁶ kur-gug-REC78.

¹⁷ a-nag-nag; имеется в виду вообще чистая вода, годная как для питья, так и для орошения.

могли не давать, орошать питьевой¹ водой ему могли не давать²;

(§ 15) если член родовой общины (?)³ сделает рыбный садок (?)⁴, рыбу из него⁵ кто-нибудь мог похитить; этот человек говорил: «свет солнца»⁶;

(§ 14) если человек отвергнет жену, (то) 5 сиклей серебра уносил правитель, 1 сикль серебра уносил главный везирь⁷; (если) человек возлил масло на венок (?) (невесты)⁸, (то) 5 сиклей серебра уносил правитель, 1 сикль серебра уносил «мудрец»⁹; человек, идущий сзади (?)¹⁰, одежды [.]

(III)

. . . (3) (§ 14) [. . .] серебра [.] правитель, {главный везирь (и) «мудрец» не уносят;

(§ 15) если член родовой общины (?) сделает рыбный садок (?), его рыбу никто не может похитить, вора (?)¹¹ камнями забрасывают¹²;¹³ веревкой (?)¹⁴ вешают;

(§ 16) (если) женщина скажет мужчине: «[.]»¹⁵, (то) клевету (?) этой женщины¹⁶ заключают¹⁷ в глиняный сосуд (?)¹⁸, (и) этот глиняный сосуд (??) веревкой вешают¹⁹;

(§ 17) прежние женщины имели по 2 мужчин, нынешних женщин (за это) камнями забрасывают;

(§ 18) гадатель по снам²⁰, провидец²¹, гадатель по жребиям (??)²²

¹ dè a-nag-nag; dè равно a-dè «орошать (водой)», «возливать воду», здесь вместо «dè-a (инфинитив) a-nag-nag». См. ВДИ, 1939, № 1, стр. 63. Даймелъ переводит: «Если даже „мужик царя“ делали pad-dug-um для господ (für die Herrschaft)...» Но en-na ag никак не может означать «делали для господ» или «для господства» (это было бы *nig-en-na-šè e-šè e-ag).

² Praes.-Fut. долженствования или возможности.

³ dumu-ukù, см. выше, стр. 17 сл.

⁴ HAR-SAG+ HA-NA.

⁵ Букв. «рыбу его (т. е. садка)».

⁶ zal^d utu i-e. Смысл, предположительно, тот, что рыба является ничьей собственностью (как «свет солнца»).

⁷ Sukkal-maḫ — высшая государственная должность.

⁸ lú šimbi ià i-dè; šimbi (идеограмма ŠIM «мазь, благовоние» + SIG₇ «зелень, зелье») переводится по-аккадски, как agù, eḫù, может быть, «головной убор (?)». Перевод этого термина условный. Параллель с lú dam ù-kid «если человек отвергнет жену» — показывает, что речь здесь идет, по всей вероятности, о свадебном обряде. Возможен также перевод: «(если) человек возлил šimbi и масло», но общий смысл параграфа (государственные сборы при разводе и заключении брака) должен остаться тем же самым.

⁹ abgal — повидимому, род жрецов.

¹⁰ lú gir-a gin-a (?).

¹¹ nig-KA-a; см. выше, прим. 4 к стр. 26.

¹² nig-KA-a (локатив?) za dil(?) -da-bi i-šub, букв., повидимому, «в вора камни (за) по одному бросают».

¹³ nig-ú-PAD-dè-a. Мне непонятно.

¹⁴ a-zál-la (чтение, как выше, см. прим. 15 на стр. 22) = акк. azallû — «пеныка».

¹⁵ [...] KAL-BA-NI. Непонятно ввиду плохой сохранности контекста.

¹⁶ munuz-ba du(g)₄-du(g)₄-bi; DUG₄-DUG₄ (в разных чтениях) означает «говoreние слов», «пение», «клятва», «клевета». Не идет ли здесь речь о вырезании языка?

¹⁷ i-šus; šus — «покрывать, скрывать».

¹⁸ EDEN. Эта идеограмма означает 1) «степь, пустое место»; 2) «горшечник (?)»; перевожу по контексту, следуя Даймелю.

¹⁹ Весь параграф весьма темен.

²⁰ ensi (идеогр. EN-ME-LI).

²¹ igi-du₆, букв. «видящий».

²² nig-sub-šub, букв. «нечто (относящееся до) бросания». Перевод по контексту

(и) плотник, где-либо строящие¹, по слову богов² с помощью (?)³ медной стрелы⁴ [.]

Мероприятия Урукагины можно резюмировать следующим образом:

А. Отмена сборов и налогов. 1) Отменена арендная плата со жрецов — «шутуг» (§ 2). 2) Отменен сбор штрафов в серебре в пользу дворца с некоторых наиболее значительных лиц храмового персонала (а также с пастухов) за владение некоторыми видами рунных овец, ранее собиравшийся более чем в 20-кратном размере стоимости шерсти (§ 3). 3) Отменена подать «приношение», взимавшаяся со жрецов в пользу дворца (§ 4). 4) Отменена судебная пошлина, собиравшаяся, вероятно, в пользу правителя⁵ (§ 6). 5) Сокращены сборы в пользу заукойных жрецов и т. п. (§ 7). 6) Отменен сбор в пользу правителя или общины⁶ за право пользования ирригационной сетью с групп пользователей из числа членов храмового персонала, имевших служебные наделы (§ 9). 7) Отменено «молитвенное приношение» ремесленников «гишкinti» (§ 10). 8) Отменен сбор в пользу правителя и его администрации при бракосочетании и разводе (§ 14).

От большинства этих мероприятий потеряли правитель и его администрация, а выиграло жречество и привилегированная часть храмового персонала, имевшая земельные наделы.

Б. Восстановление храмовой собственности. 1) Собственность на земли и скот храмов Нингирсу, Бау и Шульшагана (и Гальалима?) изъята (по крайней мере формально) из рук правителя и объявлена собственностью самих богов, т. е., практически, жречества, организованного в храмы (§ 5). 2) Зерновые выдачи жречеству изъяты из-под контроля администрации правителя (§ 4а).

От этих мероприятий выигрывало исключительно жречество.

В. Изменение прав. 1) Отменено право представителей светской администрации правителя — главных пастухов, главных корабельщиков и надзирателей над рыбаками — взимать доходы с подведомственных им (храмовых)⁶ судов, скота и рыбных промыслов (§ 1). 2) Разрешено держателям служебных наделов на храмовой земле право неограниченного владения движимым имуществом и домом⁷ (которые ранее могли быть произвольно отобраны старостой рабочего отряда и другим начальством), а также водой в сооруженных лично ими на своих наделах колодцах и арыках (§ 12 и 9а). 3) Воспрещено рабам и не имеющим наделов членам храмового персонала пользоваться колодцами и арыками на служебных

¹ ki-a dù-dù, букв. «в (каком-либо) месте строящие». Речь идет, повидимому, об обрядах при строительстве.

² inim-dingir-gé-ne-ka, букв. «в слове богов».

³ или «вместе с медной стрелой (??)».

⁴ ti urudu.

⁵ Общинные суды не нуждались бы в специальных сборщиках, если бы сбор происходил в пользу общины. Беспощинные же суды едва ли могли быть царскими. Надо полагать, что суды были общинные, а сбор шел в пользу правителя. Вероятно, эти общинные суды были одновременно и жреческими, почему этот параграф и попал в текст «В/С». Царские суды появляются на краткое время лишь при III династии Ура, а окончательно, но и то не для всех дел, были введены только Хаммураби.

⁶ Что речь идет именно о храмовом хозяйстве, весьма вероятно, потому что этот параграф помещен в начале текста «В/С», посвященного главным образом храму и жречеству.

⁷ Имеется ряд документов, в том числе и из Лагаша, свидетельствующих о свободном отчуждении домов и движимого имущества (а с ограничениями — и недвижимого) на внехрамовой земле задолго до Урукагины.

наделах (§ 9а). 4) Установлены нормы содержания для низшего жречества (§ 8).

От этих мероприятий также, в основном, выигрывало жречество и привилегированная часть храмового персонала, имевшего наделы.

Г. Меры против пережитков родового строя. 1) Запрещено жрецам (не профессиональным?) пользоваться частной собственностью их сородичей (?—*ama-ukú*, § 11). 2) Установлена частная собственность на рыболовные садки членов родовых общин¹ (? — *dumu-ukú*, § 15). 3) Установлено уголовное наказание за оскорбление (?—или околдование) мужчины женщиной (§ 16⁴). Запрещена полиандрия под страхом смертной казни для женщины (§ 17).

Эти мероприятия были направлены к усилению частной собственности и патриархальной семьи.

Прочие постановления, в частности не относившиеся к храму и жречеству и содержащиеся в тексте «D», а также резюмируемые в § 13 текста «B/C», либо вовсе не сохранились, либо недостаточно ясны.

К мероприятиям Урукагины, упоминаемым разобранными четырьмя текстами, можно прибавить еще его мероприятия внутри храмового хозяйства, которые видны из документов отчетности. Эти меры сводились к увеличению натуральных норм довольствия членам храмового персонала, уже имевшим земельные наделы, а также увеличению как числа этой категории храмового персонала, так и храмовых рабов². Совершенно ясно, что от этого выигрывало и храмовое хозяйство в целом, т. е., в данных условиях, те же жрецы (см. § 5, в нашем резюме пункт Б 1), и более привилегированные из храмовых служащих.

Из вышеизложенного — даже учитывая, что некоторые из предложенных нами переводов являются, может быть, спорными и что не все еще в текстах ясно, — нам представляется, что приход к власти Урукагины не был переворотом, направленным против частнособственнических тенденций. Этот переворот имел целью продиктовать проведение реформ в пользу значительных слоев жречества и примыкавших к нему слоев населения, — в частности, более привилегированной группы храмовых служащих, — в ущерб экономическому могуществу и единоличной власти правителя, а также проведение некоторых реформ в целях укрепления частной собственности и устранения пережитков родового быта. Уступки жречеству были настолько серьезны, что такие меры, как приведенные в §§ 7 и 11 (пункт А 5 и Г 1 нашего резюме), не могли сколько-нибудь серьезно затронуть жреческие интересы.

Несмотря на то, что интересы жречества лежат в центре внимания текста «B/C», нельзя считать, как это делает Даймелъ, реформы Урукагины только реформами храмового хозяйства. Как видно и из фрагментов текста «D», обобщающий § 13 текста «B/C» говорит о множестве других, по большей части не известных нам, общегосударственных реформ, весьма вероятно, также частнособственнических по своей направленности³. Борьбу, отраженную в текстах Урукагины, нельзя оторвать от шедшей в то же время (как мы постараемся показать в другом месте)

¹ Речь идет во всяком случае об общинниках за пределами храмов, а не о работниках храмовых хозяйств, свободных и несвободных, ибо едва ли рыба на территории храма могла быть пичьей, как «свет солипа».

² См. акад. В. В. Струве, *Очерки социально-экономической истории древнего Востока*, М. — Л., 1934, стр. 26 сл.

³ Ср. также §§ 11 и 15 (наши пункты Г 1 и 2).

политической борьбы — борьбы за единоличную власть правителя против власти общинных старейшин. Эти советы, несомненно, были органами аристократической и жреческой олигархии, с интересами, расходящимися в политическом отношении с интересами правителя.

Нас не должно удивлять, что Урукагина, будучи сам правителем, и даже с полномочиями «царя» (lugal), а не только «энси» (PA-TE-SI), произвел реформу в ущерб, казалось бы, собственным интересам. Будучи ставленником жречества, он проводил политику жречества. К тому же борьба за власть между правителем и жреческой аристократией не носила антагонистического характера¹. Из текстов Урукагины видно лицо врагов той политической линии, которая была представлена Лугальандой и другими правителями Лагаша из династии Ур-Нанше. Развитие событий после падения Урукагины представляется следующим образом: храмовые хозяйства, основной объект борьбы, с падением Урукагины окончательно вошли в состав царской собственности, а общинные советы старейшин потеряли всякое значение по сравнению с деспотической царской властью.

Мы не хотим утверждать, что наше толкование текста реформ является единственно возможным, но надеемся, что предложенный новый перевод сможет явиться основой для дальнейшего расследования социального характера переворота Урукагины.

Из этих текстов нельзя с полной уверенностью заключить об отношении Урукагины к широким массам свободных общинников за пределами храма². Нам кажется, однако, маловероятным, чтобы интересы этих масс отражались в реформах Урукагины сколько-нибудь серьезным образом. По крайней мере, в пределах самого храмового хозяйства, наряду со жречеством, от реформ Урукагины выигрывали только более привилегированные члены храмового персонала. Этот персонал, зародыш будущего царского чиновничества, был в дальнейшем тесно связан с судьбами царской власти, и попытка завоевать его на свою сторону была важна для жречества, проводившего реформу. Но таково ли было отношение авторов реформы к рядовым членам общества, не игравшим никакой роли в храмовом хозяйстве, которое лежало в центре всей борьбы? В этом можно сомневаться, хотя демагогические моменты в реформе, несомненно, были, что видно, например, из § 13 и заключения текста «B/C».

Как известно, в конечном счете в политической борьбе, шедшей в Шумере, одержала победу линия, совпадающая с линией предшественников Урукагины. При династии Аккада в борьбе за власть со жреческой аристократией и знатными владельцами правители должны были, с нашей точки зрения, при опоре на служилую знать и чиновничество, временно блокироваться, помимо зависевших от правителей и работавших на них лиц, со свободным внехрамовым общинным крестьянством, интересы которого реформами Урукагины не учитываются и естественным врагом которого, несомненно, должна была быть именно аристократическая олигархия. Вот почему традиция рисует Саргона Древнего, одержавшего победу в этой борьбе и создавшего единое деспотическое государство в Шумере и Аккаде, в виде человека, вышедшего из низов, «садов-

¹ Характерно, что Урукагина даже не переименовал административного персонала храма Бау, действовавшего при Лугальанде.

² Предварительный анализ социального состава шумерского общества этого времени дан в нашей статье «О площади и составе населения шумерского «города-государства», ВДИ, 1950, № 2, стр. 76—93.

ника», «приемного сына оросителя», «слуги» и т. д. Здесь ясно видна разница между Востоком и Грецией. Если в ведущих государствах Греции (Афины) после низвержения аристократической олигархии кратковременное господство тирании сменилось победой рабовладельческой демократии, то в Двуречье, в условиях несравненного экономического и политического могущества правителя, дело окончилось, напротив, укреплением деспотизма на основе блока со служилой знатью и поражением свободной крестьянской массы, вынесшей на своих плечах борьбу с олигархией, — поражением, имевшим огромное историческое значение для истории Востока.

Всем этим вопросам должна быть посвящена специальная работа.

